



Наталья Покровская

Эпизоды 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Наталья Юрьевна Покровская

Эпизоды 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63866456

SelfPub; 2021

Аннотация

Как только я научилась превращать мысли в буквы, больше не останавливаюсь. Записываю и «увековечиваю» все, что обратило на себя мое внимание, откликнулось, вызвало эмоции или повлияло на жизнь. Каждая строчка, написанная в этой книге, берет свое начало в реальности. Ни персонажи, ни события, ни обстоятельства не являются хоть сколько-то вымышленными. Так что... желаю нескучного времени за чтением.

Содержит нецензурную брань.

Наталья Покровская

Эпизоды 2

Не целиком

Нас не принимают целиком.

В таком виде, ты не нужен, потому что большую часть твоей полной комплектации особенностей и привычек – невозможно «взять». Ты далеко не подарок. И целиком ты не подходишь: страшно, не удобно, мешает, не соответствует, разрушает и так далее.

Но с тобой хотят быть, а это значит, что? Надо произвести изменения. Тебе самому, или это сделает партнер – ты, ведь хочешь быть с ним? Тогда ты подчинишься.

Каким же образом? Все просто. Либо тебя «распорют», выпотрошат, уберут лишнее – то, что мешает, а потом наскоро заштопают и вот – готово, ты уже подходишь, можно брать. Звучит немного грубо. Но это не значит, что, выбирая другие выражения, можно смягчить саму суть вещей. Другой вариант – ты сам осуществляешь вышеописанную процедуру. Это легче: во-первых, создается иллюзия, что так измениться – это было исключительно твое решение, а во-вторых, способ «убрать лишнее» ты выбираешь сам. Это может быть ампутация, сохранение в себе, но удаление из обихода, насильственное умерщвление.

Можно подумать, что процедура сия взаимна. Меняешься

ты, во имя отношений, любви, будущего, меняется и твой избранник. Но вот какая штука – это не так. Меняется в большей степени, засовывает собственное эго себе в зад, идет на большие уступки, чаще «закрывает глаза» – кто-то один. Второй тоже участвует, но всегда в меньшей степени. Равные исключения крайне редки.

В принципе, все это не так уж и важно – кто и сколько в граммах? Если ты любишь человека, хочешь с ним быть, он тебе дорог – ты будешь делать все, чтобы ему с тобой было хорошо и спокойно, чтобы он чувствовал, что любим, что ты рядом и все у вас отлично.

Главное, чтобы твоя готовность к принудительным изменениям, либо готовность самому меняться «во имя», не затрагивали твою сущность. Тогда, это будет уже не изменение, а измена себе.

У меня всегда возникал и возникает один и тот же вопрос. Почему меня хотят изменить? Ведь влюбились то в меня в ту – полную всех этих «не перевариваемых» компонентов. В тот сложный и не всегда объяснимый коктейль качеств. Где же логика? Зачем сейчас, когда я оказалась рядом, надо менять то, что когда-то привлекло? Или вблизи все оказалось недостаточно в розовом свете? А что, если новая «версия» меня будет хуже предыдущей? Я не нашла ответы.

Сейчас я пробую принимать людей такими, какие они есть. Брать все – без корректировок и изъятий. Либо не брать совсем. Принимаю я в любом случае. Это значит – если я го-

това мириться с каким-то неровностями, непониманиями и несоответствиями, то «беру» и не задумываясь, остаюсь рядом. Если не могу – уйду немедленно. Я не считаю возможным тратить время на то, что мне не подходит.

Быть вдвоем

Как это много – просто быть вдвоем.
Не строить планов. Долго обниматься.
Чинить все то, что вздумает ломаться,
В углу дивана думать о своем.

По дому топать в вязаных носках,
Варить крыжовник или мандарины,
Лепить тарелки из китайской глины,
И вслух читать на разных языках.

Будить кота, чтоб с ним поговорить.
Смотреть кино, лениться целый вечер,
Готовить ужин снова с той же гречей,
И никогда, по сути, не хандрить.

Спешить куда-то, может – по делам,
Смотреть в глаза и помнить постоянно,
По четвергам играть на фортепиано,
И разбирать в кладовке старый хлам.

Идти гулять недолго перед сном,
Пинать листву ногами непременно,
И быть в долгу у собственной вселенной,
За счастье жить без мыслей об ином.

Все хорошо

Все мы загнаны. Делами, переживаниями, несостоявшимися встречами. Неустроенностью, болезнями, ошибками, безденежьем и даже собственным бездельем – тем, которое осознаем.

Многим из нас кажется, что все дела и проблемы крутятся вокруг денег. То есть, окажись у нас на руках достаточная для нашего воображения сумма – все как-то само собой устроится и решится. Отчасти – это на самом деле так. Премаменьшать роль денег я не собираюсь, но и возвеличивать – тоже.

Живя в среднестатистических финансовых условиях, ладно – в чуть лучших, чем просто среднестатистические – я, как и все, живущие, часто сталкивалась с провалами в денежном потоке. Вынужденным снижением трат, временным отказом от чего-то привычного.

Так как о стабильности в этом мире говорить не приходится, такие периоды всегда являются сложными для проживания. Но если с короткими я научилась справляться быстро и эффективно, то с затянувшимися возникали вопросы. Я становилась очень агрессивной, закрытой даже для друзей

и любимых, вечно недовольной, чем только возможно и еще больше.

Я была убеждена, что наличие денег – просто и тупо – денег, закрывает все мои проблемы раз и навсегда. Дарует спокойствие, радость, еще и на бухнуть останется.

В такие моменты, я часто обращалась к Вселенной с просьбой, показать мне, как это – деньги не главное? Позже, я стала просить ее об этом и тогда, когда кризисы проходили, сменяясь хорошими временами. Я никак не могла уверовать в сам факт – что не деньги дают нам уверенность в своем благополучии и безопасности. Смешно звучит? Немного.

И вот, Вселенная сжалилась надо мной, исполнив просьбу.

После очередного финансового проседания, начался период «светлых дней». Все было устойчиво, и понятно. И вот в один из вечеров, сидя за чашкой кофе с подругой и болтая о предстоящих выходных днях, я застряла взглядом на перекрестке, который был доступен глазу сквозь панорамное остекление кафе. На бесконечном потоке машин, светофоре, меняющем цвета по известному алгоритму, на пешеходах, которые серой рекой текли по улице встречными потоками.

Мне подумалось о том, как же все меня достало по жизни! Надоело и осточертело. До какой степени я от всего устала и вообще, ничего не хочу. Я машинально спросила себя: а от чего устала-то? И тут же сама себе ответила: от вечных проблем с деньгами. И вот!

Я снова спросила себя: а есть проблемы на текущий момент? И немного подумав, когда в очередной раз сигнал светофора с красного перескочил на зеленый, сама того не ожидая, стала себе «вправлять» мозги: ты одна тащишь все расходы и платежи, едешь не на дешевом годовалом кроссовере, живешь в собственной квартире, не имеешь никаких кредитов – НИКАКИХ. Одетая, обутое, очки, закрывающие твои близорукие глаза, стоят дороже всей одежды, которая надета вон на той девушке. Ты можешь позволить себе ежедневный ужин в кафе, а также – обед и завтрак – если потрудишься встать на полчаса пораньше. Можешь ездить куда-нибудь отдохнуть – да, не 5 раз в году, но 2 – можешь. Из приятных бонусов – ты здорова, свободна, любима и любишь сама. И да, ты – благополучна. Мало? Имей совесть!

Я улыбнулась собственной «вздрючке» и подумала, что ведь все так и есть. А потом вдруг поняла, что фактическое наличие денег почему-то не сделало меня спокойнее и увереннее. И все остальное – чего я ожидала от их присутствия – не «приобрелось» автоматически. Я осталась агрессивной, закрытой и недовольной, пусть в меньшей степени. И что же? Ничего.

Да, наличие денег на счетах успокаивает, делая жизнь однозначно ровнее. Но не счастливее! Даже, когда их много, и ты видишь свое завтра без гонки за ними.

Счастливыми мы делаем себя сами. Наши чувствительные мозги и умное сердце. А, может, вечерние разговоры с

друзьями? Утренний смайл с поцелуем от любимого человека? Климат-контроль в автомобиле? Нескользкие ботинки? Смешной песик, который ехал в лифте утром?

Все это – однозначно, а еще – какие-то внутренние регулировки, которые мы находим в себе и настраиваемся, как можем: на говно, или – на счастье. На то, что все хорошо.

Я точно поняла, что лишь мои мысли и чувства определяют – как я живу. А деньги? Их наличие всегда приятно. Оно помогает и дает больше возможностей для исполнения своих желаний.

– Ты о чем-то подумала? – Спросила подруга.

– Да. О том, что все хорошо.

Автомойка

Я – старый автомобилист. Машин у меня было много – всяких и разных. И сейчас есть, и дальше будет. Мою я свой транспорт исключительно на автомойке. Когда-то был порыв, как-то летом, я вымыла свою машину вручную. На этом приступ закончился, надеюсь, больше не повторится.

У каждого, кто водит машину есть мойки, куда он ездит чаще всего. Это, как с заправками, если только ты не на трассе – там выбирать не приходится. А в городе большинство заправляется по конкретным адресам – ближе в дому, работе, по дороге куда-то.

Итак, мойки. Есть автоматические, куда я езжу исключительно посмотреть на коктейль розово-фиолетово-зеленой

пены на лобовом стекле. Меня это очень веселит, сразу поднимается настроение, хочется чем-то себя немедленно порадовать. Например, ужином в приятном месте или гонкой за кем-нибудь по городу. Автоматически моюсь только летом-весной-осенью, зимой считаю, что этот вид мытья для машины не приемлемым.

Из обычных моек – с людьми, в своем городе, выделяю три. На одной предпочитает мыться моя подруга. А за компанию, сами знаете, чего только жиды не делают. На второй, варят весьма приличный кофе, бригадиры знают «в лицо» мою машину, а еще там удобно расположены боксы для въезда. Но. Есть элементы агрессивного сервиса. Вечно что-то навяливают: воск, анти дождь, анти битум, супер силикон и еще список того, что мне не надо. Третья – любимая. Находится от моего дома в 7 километрах – данные Алисы из навигатора. Для справки, рядом с домом 6 моек. Удаленность – от 200 метров до 1 километра. Но езжу я туда.

Она не самая оснащенная по оборудованию, не самая удобная по географии, не самая идеальная по обстановке внутри. Меня «купили» люди: мойщики и бригадиры. Их настоящее, без лизоблюдства и подхалимства, какое-то – «как к своей», отношение. А, еще низкие диваны, обитые черной эко кожей в комнате для клиентов. Главное не эко кожа, главное – низкие.

Я не могу толком объяснить, почему, но мне хотелось мыть свою машину только здесь. Сидеть в клиентской ком-

нате, рыть что-то в телефоне, пить недорогой кофе и пялиться в телевизор. Этот набор существует на всех мойках. Но нравилось мне здесь.

Я никогда ни с кем из работников не вступала в разговоры по душам или за жизнь, кроме одного раза – об этом чуть позже. Я не получила ни разу никаких преференций ни в виде внеочередного мытья, ни виде дополнительной скидки.

Так, почему именно там мне комфортнее всего?

Начну с того, что я никогда не слышала никаких предложений облагодетельствовать мою машину, сверх того, о чем я просила на въезде. Ни разу мне не намекнули ни на чаевые, ни на приобретение у них на reception каких-то «мулек» для салона. Никаких просьб, кроме одной – перегнать машину вдоль бокса – никогда не было. Это, пожалуй, единственная мойка, где персонал не садится за руль автомобилей клиентов.

Впервые я приехала туда по рекомендации одной из подруг, но меня «напряг» рабочий персонал. У меня появилась устойчивая мысль, что все, кто ходят по боксу с тряпками и компрессорными пистолетами – сидели, вышли по УДО или недавно откинулись – как там правильно по тюремному сленгу?

Не знаю, с чего я это взяла? Татуировки? Хрень. Моя 18-летняя соседка по лестничной площадке так татуирована, что все эти мойщики, вместе взятые, отдыхают. Подобострастное отношение к моим деньгам? Нет. Законы и ска-

брезности? Нет. Думаю, я «сняла» взгляд некоторых из них. У людей, которые находились на зоне – даже недолгое время, даже не будучи виновными, жили на поселении по сотне разных без причин – становится особенным взгляд. Он очень пристальный и «тяжелый», пока человек не улыбнется. Стоит с ним правильно пошутить, как эта тяжесть заметно слабеет.

Сейчас, когда я там моюсь уже больше двух лет, могу с уверенностью сказать, что, конечно, не все, но пара человек точно «оттуда». Меня это несколько не смущает.

Я уважаю их. Очень немного человек могут быть уверены в том, что уважаемы мной. Я отношусь уважительно ко всем, к кому положено так относиться – по статусу, возрасту, положению вещей, но уважаю я далеко не всех. Относиться уважительно – это вопрос воспитания и культуры. Уважать – выбор.

Так вот, эти люди – кто стоит по колено в воде зимой и летом, отпидоривая мою машину, уважают каждого клиента, въехавшего в бокс. Уважают без «показного сценария». Головой и сердцем уважают. Они искренне относятся к ним, потому что они здесь. Мне кажется, окажись я рядом с этими людьми в совершенно других условиях – почувствовала бы тоже самое. Знаете, есть такое понятие «хороший человек». Они – хорошие люди. Живые, понимаете?

Короче, в какой-то момент, до меня дошло, почему я хочу мыться именно на этой автомойке. Потому что здесь нет

скрытой зависти к «двухэтажным» машинам, одежде, айфонам, понтам – даже в мыслях. А я научилась такое «слышать».

Они не хотят казаться остроумными или жалкими, шаршаренными или тупыми, богатыми или нищими. Они есть. В них полно настоящего человеческого достоинства. Неподдельного, огромного достоинства – вещь уникальная по нашим убогим временам. Они довольны тем, что моют машины, им нравится такая их судьба, они, возможно, гордятся этим. А, если и нет, то не ноют каждому встречному о том, как хуево жить. И я их за это просто обожаю. Задумайтесь на мгновение, сколько моральной силы в этих людях?

Я иногда пью кофе с подогретым молоком – не люблю, когда напиток мерзнет от холодных вливаний. Их кофе машина не имеет капучинатора для вспенивания или нагрева молока. Так вот, обе смены всегда грели мне молоко за стеной – в микроволновке, в своей комнате отдыха – без криворожия и одолжений. Правда, как только я это узнала, стала пить черный кофе – мне так тоже нравится, особенно, в любимом месте. Но, верите? Они помнят мою привычку, до сих пор предлагая мне подогреть молоко и утверждая, что это совсем не трудно. Им на самом деле не трудно, но мне там, почему-то, хочется просто американо.

Как-то раз я приехала мыться «по-быстрому», кузов и все. Весна, грязь сами знаете, как быстро пачкается автомобиль. Когда-то приоткрыв окно, я получила немного грязной воды

от встречной машины на внутреннюю часть дверной панели. Капли высохли и превратились в два серых подтека. До этого визита к «своим», я мыла машину дважды в других местах – по ходу движения. Усаживаясь в чистую машину, я видела, что пятна на месте. Все верно, я не просила их протереть, а значит, никто ничего не должен. Согласна, на все 100%. Но, почему-то, когда я уезжала с любимой мойки – пятен на панели не было, и я тоже не просила их протереть. Просто, доставая коврики, мойщик их увидел, и ему было не в лом потратить одно мгновение, чтоб смахнуть их влажной тряпкой.

Вернусь к разговору по душам. Это было на самом деле единственный раз.

Лето, сухой жаркий день, машина не грязная, просто пыльная до невозможности. Я приехала мыться. Очереди не было, и я гордо вкатилась в пустой запахнутый бокс. Бригадир – назовем его условно Алексей с выбритыми татуированными висками и длинным хвостом на голове – принял заказ на полное мытье с пылесосом, и я пошла ждать на диваны.

Алексей пришел следом. Не смотря на жару, одет прилично, легкие бриджи, майка. Ноги, плечи, руки – все в высокохудожественных рисунках, может, и еще чего – что я не вижу? Усевшись за стойку администратора, он назвал мне цифру и спросил:

– Кофе?

– Обязательно. – Улыбнулась я.

– Молоко греем?

– Неа.

– Сахара один?

Киваю. Он кидает в бумажный стакан один кусок из коробки – все по-домашнему.

Я достаю карту.

– А у вас наличных не будет? – Спрашивает Алексей. – Мне просто зарплату выдавать, налички не хватает.

– Без проблем.

Достаю деньги, рассчитываюсь. Сажусь на диван и, отпив кофе, открываю телефон. Потом, почему-то решаю спросить:

– Машин мало?

– Да, не то, чтобы... Но, летом всегда немного меньше. На дачах моются.

Я закатываю глаза. Он смеется.

– Домой хочу.

– Вы не местный?

– Нет. – Опять смеется. – Просто, смена суточная. Хочу домой, поесть и спать.

– Вам здесь негде поесть?

– Я готовить люблю. Здесь только что-то «скоростное» можно. Ненавижу, но приходится.

– А жена не готовит?

– Пока не женат. Страшно.

Поднимаю брови.

– Девушка есть, но вот жениться... что-то не знаю.

– Не любите ее?

Пожимает плечами. Значит, не любит. Не женись, парень.

Вслух, конечно, говорю совершенно другое:

– Тяжело работать здесь?

– Нет. Я привык.

– А, почему выбрали такую работу? Нравится?

– А куда идти? У меня, как карьера нагнулась, я растерялся. Поискал занятие, не особо что есть. Грузчиком мне нельзя. Тяжести не мое теперь.

Смотрю на него – качок. Груда мышц. Высокий, сложен очень пропорционально и ладно. Плюс на рожицу очень симпатичный. Синеглазый скуластый блондин.

– По вам нельзя сказать, что тяжести – не ваше.

Поднимает руку, демонстрируя цветной бицепс и смеется.

– Это спорт, это другое. Там лежать можно и не такое накачать.

– А что за карьера? Только, отвечайте, если хотите. Я не залезаю туда, где не мое место.

– Да, все в порядке. Я был чемпионом России по одиночному фигурному катанию. Травма ноги очень серьезная, тяжелая даже – все оборвала.

Я почему-то охренела.

За жизнь я слышала не меньше сотни подобных историй, но как-то не уходило в «сработку», а тут зацепилось.

– Начал рано. – Продолжил Алексей. – Мама настояла,

чтоб я в спорт пошел. Она меня одна воспитывала. На все соревнования со мной ездила. Я кубок России взял, готовились на чемпионат Европы в Италию, Турин. И вот, надо же... мы же все катаемся под свои композиции, флешки лежат на борту заграждения катка. Кто-то обронил на лед колпачок от флешки. Представляете? Маленький такой наконечник.

– Кончено. – Киваю.

– А он еще белый. Я его на льду не заметил, когда аксель делал. Никто бы не заметил. Ну, короче, приземлился на него. И все. Там же скорость, как в центрифуге. Потерял равновесие. Двойной перелом, смещения, да еще сам себе ломаную ногу разрезал коньком жестко.

– Это же форменный пиздец.

– Он и есть – Алексей заливается смехом.

После этого, он рассказал, что лечился и восстанавливался почти 3 года. Что никакие деньги, «многоэтажные» операции и реа центры не смогли вернуть его в спорт. С фигурным катанием было покончено.

– Я разжирел тогда, капец. Вы бы меня не узнали. – Он задумался, наверно, вспоминая себя больного и толстого, потом улыбнулся и сказал. – Ну вот, а потом потихоньку, начал заниматься дома гирька за гирькой. Сначала руки накачал, потом уже туловище и ноги не сильно.

В комнату заглянул мойщик и попросил перегнать машину в зону сушки и пылесоса.

Когда я вернулась обратно, Алексей продолжил:

– Стал искать работу. Вот эта подвернулась. Сначала мойщиком, сейчас бригадиром. Нормально. Знаете, какой у нас тут хороший коллектив? Все такие четкие... и парни, и девочки.

– Зарплаты хватает?

– Да, конечно. Куда мне особо деньги? На еду? Шмотки особо не нужны. Я себе недавно тачку купил. Хорошо все. – Он опять улыбнулся.

Постепенно, тема разговора сама собой поменялась. Мы недолго потрепались о каких-то проходных вещах, и я «улезла» в телефон.

Копаясь в истаграмме, я подумала – капец, какая судьба. Блестящая внешность, карьера, перспективы, и НА! Все разбилось о какой-то колпачок флешки! Ну, внешность не разбилась, но изменилась. С головы до пят. И по фактуре, и по расцветке.

Сюрприз от жизни? Учитывая, что для нас уготовано лишь самое лучшее, не знаю, от чего уберегла его Вселенная? Он задушил бы тренера сценическим костюмом? Изнасиловал фигуристку в раздевалке на чемпионате Европы? Напился бы и клянчил политического убежища в Италии, став предателем родины? У меня кончились варианты.

Мне показалось, что я в душе возникаю больше, чем Алексей. Точнее, он вообще не возникает. Он доволен. Он тачку купил. И нет в нем никакой удушливой депрессивности, обиды, жалоб или негодования на то событие, которое

так резко поменяло направление его жизни. Он – герой.

Почему? Да, потому что в нем есть свет и нет темноты. Или ее так мало, что она совсем не заметна. Не смотря на такой «удар», он не закрылся и не озверел. Он улыбается. Ему хорошо. Он нашел радость в том, что есть. Он – герой.

Конечно, я не знаю, где он будет через год или 5 лет? Но, зная законы Мироздания, я желаю, чтоб его сценарий жизни стал самым благополучным из всех, возможных для него.

А я, сидя на диване со своим американо в ожидании чистой машины, теперь буду знать, что здесь работает настоящий Человек. И, возможно, не один...

Летний день

Так... Это будет снова летний день?

Где долгий свет разглаживает небо,

Где вечера, бывает, пахнут хлебом,

И тихо осыпается сирень.

Хочу уйти куда-то далеко,

Чтоб там запиться чаем тепло-мятным,

Качели старой слушать скрип занятный,

И с ним замедлить время целиком.

Теперь уже совсем не по шагам

Я узнаю в тональности рапсодий,

Все то, что мне даровано «при входе»

И что могу вернуть своим богам.

Бабулька

Забегаю в столовую. Очередь – время обеденное. В начале линии раздачи – все люди еще раскалены от утренних дел, говорят по телефонам или между собой исключительно на рабочие темы: «я ему позвонил», «не было таблиц», «поедешь на объект», «заберу у бухгалтера». Через два человека впереди меня стоит бабулька. Старенькая, маленькая, сгорбленная. В пестром платочке, синей шерстяной юбке и такой же кофте. Так она выбивается из общей массы посетителей – совсем другая. Весь ее облик – это другой ритм, другое время, менталитет, эпоха. Она все делает в 3 раза медленнее, а лучше сказать – спокойнее остальных. И еще, оглядываясь по сторонам – она улыбается.

Мне всегда жаль стариков. Априори, заранее, вперед на 20 шагов – даже если незачем жалеть. У них своя, не доступная моему понимаю, жизнь. Полагаю, не слишком счастливая. Потому что живут они в мире нашего поколения, в созданной нами действительности.

Я уже заранее приготовилась, что бабушка возьмет себе миску с супом и чай. Да еще от девушки на раздаче может «огрести», например, за то, что не расслышала сказанное с первого раза.

Однако, бабулька, не спеша, взяла себе салат, бутерброд с икрой, суп, второе и еще попросила девушку на кассе (за

спиной у кассира – кофе машина) сварить ей «кофеек послаще». Я порадовалась внутри – у бабушки хороший аппетит и возможности – но дальше я удивилась по-настоящему.

Кассир называет бабушке цифру, та нисколько, не мешкая, достает из кошелька 500 рублей. Кассир отдает сдачу – 100 рублей и какую-то мелочь. Бабушка аккуратно убирает деньги в кошелек и оставляет кассиру пару монет ЧАЕВЫХ!

Даже я – кто проводит в общепите достаточно времени, не оставляю «чай» в столовой. Как-то не принято, что ли... А, вот бабулька оставила. Потом она спокойно взяла поднос, села у ближайшего окошечка и принялась за еду.

Вот такая история.

Героем быть легко

Героем быть легко.

Гораздо сложнее оставаться порядочным и достойным человеком каждый день. Из часа в час, из месяца в месяц. Когда все не очень хорошо, сложно или попросту – плохо. Когда все идет не своим чередом, когда много темноты, переживаний, голых нервов и расстройств.

По праздникам быть грациозным, ослепительным и благородным совсем не сложно. Гораздо сложнее поддерживать ровный «огонь» постоянно. Быть уравновешенным, надежным и мужественным в обычной повседневности.

Закрывать грудью амбразуру и спасать из пожара кошку ценой собственной жизни – это все категория красивых по-

ступков и безусловной доблести.

Но это совсем не значит, что у этих героев хватило бы сил на ежедневное спокойное прохождение жизни со всеми ее сложностями и «жертвоприношениями».

Все просто

Как же все оказалось просто,
Обо всем забуду легко
И приеду на перекресток,
Где льют кофе и молоко.

Отсижусь в темноте машины,
И дождя насмотрюсь в окно.
Где-то есть для меня вершины,
Только я не хочу давно.

Мне положена жизнь вторая?
Или, это – по ней иду?
Не касаясь руками рая,
Ведь, ногами я не в аду.

Я уже не срываюсь в бездну,
Старых мыслей и тех обид.
Все останется бесполезным,
Кто был ранен, теперь – убит.

Изменить жизнь

Удивительно, что до какого-то момента, мы абсолютно не осознаем, как же быстро можно изменить свою жизнь. Просто, «выбросив» из нее все, что тяготит, не устраивает, диссонирует с духовными ассоциациями, сердцем, умом. Выбросить немедленно. В любое время. Мгновенно.

Сойти с дороги, если тебе плохо на ней, и не важно, как далеко ты успела зайти.

Прервать общение с нытиками и просителями. Обнулить контакты с теми, кто тянет из тебя жилы и вечно гандонит.

Кого не получается отдалить прямо сейчас (а такое бывает) – достаточно вывести их в безэмоциональные «нейтральные воды» междометий.

Не ехать, не числиться, не слушать, не пить, не оставаться, не трогать, не смотреть. Список «не», которые сделают жизнь ровнее, проще и безопаснее – для нервной системы точно – довольно внушителен у каждого. Но самое главное, что эти «не» превратить в действие – дело одной секунды. Хорошо – двух.

От этого по итогу, будет зависеть уровень личного благополучия и процветания. Ведь, мы сами всегда выбираем свои кандалы и свое счастье. Но мало, кто задумывается, что усилия и для того, чтоб надеть первое и для того, чтобы ощутить второе – одинаковые.

Дать себе шанс

Часто ли мы позволяем себе плыть по течению ощущений? Побывать в плену своих желаний? Нет, не часто. А ведь это очень плохо. И я сейчас не о какой-то дури, вдруг вступившей в голову. Или о чем-то изначально диком или невозможном: поспать на работе, не лечиться от какой-то болезни, забить на обязательства по причине: просто неохота.

Я о том, когда время твое, и ты можешь позволить себе делать с ним все, что угодно.

Например, в выходной день, проснувшись и поняв, что вставать не хочется – не смотря на какие-то ранее построенные планы – не вставать. Натянуть на уши одеяло, повернуться на бок, прижать к себе любимого человека или кота, и остаться лежать. Во сне ли, в мыслях ли дремотных. Остаться.

Или, гуляя у озера, почувствовав желание остановиться и посидеть на берегу – сесть и сидеть, пока желание это не пройдет. Не смотреть на часы, не думать о том, что скоро обед, надо возвращаться в город, и ты себе на прогулку отвела полтора часа. Отведи еще полтора, мать твою! Это твоя жизнь.

Когда ты приезжаешь домой мертвой от усталости и хочешь просто полежать пару часов в тишине без телефона – сделай это. Отключи его! Никто не умрет за два часа.

Ты умрешь. Часть твоих нервных клеток – неизбежно.

Я уверена – это происходит каждый раз, когда мы «насильничаем» над собой – какая-то часть нас погибает. А

еще... еще мы недополучаем от жизни чего-то важного и значимого. Ведь только в такие моменты, когда мы сами с собой или своими любимыми – медленные и расслабленные, мироздание начинает говорить с нами, выдавая нам какую-то «информацию» нашими же знаниями, чувствованиями, мыслями... откровениями и приходами.

Пока мы подгоняем себя, не позволяя остановиться – мы не даем Вселенной взять нас на руки, увидеть нас. Не даем ей поговорить с нами.

Хороший мальчик

Это было очень милое знакомство.

Мы повстречались какое-то время, и я, не особо раздумывая, перешла в «близкую» фазу, тянуть время – не моя история. Я никогда не играю «в долгую», не даю своим партнерам многомесячные (про многолетние – даже подумать не получается) вЫстойки, проверяя их на благородство, честность и лобковых вшей. Я всегда легко вступала в связи, которые мне приятны, но в которых не планируется дальних перспектив с кольцами, загородным домом и упитанной сукой лабратора на фоне. Хотя, я ничего никогда не исключала.

Если ты достаточно взрослая и знаешь, чего хочешь, к чему разного рода ухищрения? Понравился человек? Так будь с ним, если ты ему тоже понравилась!

Мое правило: быть вместе, быть рядом. Не думая и не прощитывая, просто «пить отношения» до дна, каким бы горь-

ким или сладким не оказался осадок – ехать куда-нибудь, открывать без штопора вино, смеяться, пачкать простыни черешней, которую рассыпали в постели, занимаясь сексом, говорить об интересных вещах, готовить завтрак. Проводить время. Вдвоем его проводить! Не в WhatsApp. Не в Viber. Не в WeChat и не в Skype. Живьем. Когда, для того, чтобы дотронуться не надо даже руку тянуть, достаточно повернуть голову и вот уже – его губы.

Жить сейчас – а когда еще? Быть честной с собой, быть, по возможности, честной с ним и, если все в порядке – наслаждаться каждой минутой бытия. Вот тогда-то и могут появиться разговоры про загородный дом... Только, получалось так, что расставалась я всегда задолго до возможного приближения этих разговоров.

Поэтому, наверно, до сих пор, переход к сексуальной близости не является для меня чем-то сакраментальным. Это такая же – ничем не выдающаяся часть отношений – как, например, совместная еда или ссоры. В конце концов, мне всегда было легче снять с себя одежду, нежели оголять мозги, а уже про сердце и говорить нечего – увидеть его «участь» избранных. Второе в своей жизни я делала всего несколько раз, зато первое...

Его семья (это папа и мама) ничего не знала обо мне. Кроме того, что я существую в принципе, мы общаемся и у меня есть имя. О том, что у нас 18-летняя разница, не в его пользу, какое-то время знала вообще только я.

Если серьезно, я в него немного влюбилась – бывает такое и в зрелом возрасте. Жила я давно, как хотела, ничего не скрывая из того, что можно не скрывать. Скрывать приходилось ему. Его родители никогда не одобрили бы нашу связь – даже, как мимолетную. Всегда бы чувствовалось напряжение по всем фронтам, а кому это надо? Точно не ему. Даже так – скорее всего, он принял бы «удар», но точно его не выдержал. Консистенция слишком мягкая. Я уложила в своей голове наши тайные условия жизни – как норму.

Он хотел быть хорошим сыном. Удобным для отца и заботливым для матери. Всегда на телефоне, всегда тут, готов сделать все, что угодно, лишь бы заслужить молчаливую похвалу. У него были довольно мощные родственные узы. Наверно, и сейчас есть.

Моя жизнь с раннего детства шла по другой траектории. Я выросла в более агрессивной среде – так сложилось, и поэтому «быть удобной» для меня противоестественно. Страшно подумать, сколько лет – мне не требовалось ничье одобрение.

Тогда я считала, да и сейчас считаю, что после определенного возраста родители должны оставить детей в покое, не лезть с советами, не контролировать их жизнь, не участвовать в ней, если те не просят. Не уточнять с прищуром, где они проводят время и кого трахают. Особенно, если этим детям под 30 и живут они отдельно. Если же элемент родительского «присутствия» имеет место быть, да еще включая

ежевечерние часовые созвоны – сбой в настройках отношений налицо.

Примерно через месяц, я выяснила, с чем связано неусыпное внимание родителей и его такое «трепетное» отношение к ним – они до сих пор содержали его. Конечно, он любил родителей – я в этом уверена, но дело было в другом – полный пансион с рождения уже давно тек по его венам, и лишится существующих условий жизни, разгневав отца, он бы точно не хотел. Да, и зачем?

Он никогда не говорил об этом напрямую, и в жизни не признался бы в полной зависимости от семьи. Я это просто поняла.

Да, он работал в фирме отца, которая занималась запчастями к КАМАЗам и подобным машинам, но это была лишь фантазия. Он просто получал зарплату и делал вид, что помогает вести бизнес. На самом деле, он мешал отцу и раздражал сотрудников. Думаю, что он до конца мог и не понимать, что он – никто, и существует лишь, как придаток к родителям.

Мне стала понятна патология и объяснения не требовались. Родители до сей поры оплачивали его футбольные бутсы, бензин в баке машины и даже трусы – значит, его задница принадлежит им!

Я понимала, что в жизни ему ничего и никогда не совершить, не создать, не сделать. Не принять ни одного судьбоносного решения, не вынести никаких последствий оного.

Он до бесконечности будет все согласовывать с папой и замерять с мамой. А в случае чего, спрячется «под крышей» родительского опыта и состояния. Когда-то ему сосватают нужную невесту, подходящую по экстерьеру и размеру приданого, родятся дети... А, он все так же будет ездить на BMW, сменит кроссовки на дорогие ботинки, футбол на сквош или что-то другое, и будет изображать ту жизнь, которая для него запланирована. Так что зачем ему какие-то решения и поступки? Ужас, да? С одной стороны – еще какой! А с другой...

Деньги родителей делали его вполне уважаемым. Он был не по возрасту спокоен, рассудителен и даже мудр. Все это обеспечивали безграничные средства, в которых он вырос. Они придавали ему уверенности, силы и даже какой-то незыблемости.

Кстати, есть огромная разница между теми, у кого «золотая ложка во рту» с рождения и теми, кто «колотится» всю жизнь сам. Ему все было даровано после появления на свет. Поэтому, да не своим горбом заработанное – оно давало ему возможность быть тем, кем он был. МГИМО, английский, французский, испанский – свободно, 7-значный пополняемый счет в банке, дорогая одежда, BMW, манеры, мозги и наконец – внешность. Природа не отдохнула ни минуты. А еще, если говорить об энергии и прочих тонких вещах – у него, в отличие от меня, была целая «оболочка». Ни разу не порванная, не штопанная и ничем не замутненная. Вот, по-

жалуй, именно эта нетронутость говном и притянула меня к неожиданному роману с человеком, о котором надо было забыть сразу после знакомства.

Не смотря на все вышеперечисленное, я хотела быть с ним. И была.

Через год нашего романа, мать с помощью слежки или материнской интуиции выяснила, что ее отпрыск встречается с дамой бальзаковского возраста.

Вечером, краснея после каждого слова, он сказал, что мама про нас знает и желает со мной познакомиться.

– С удовольствием. – Ответила я. – Когда и где ей удобно?

– Она не сказала. – Сказал он.

– Ну, так спроси.

Переговоры с мамой и со мной в параллели, привели к договоренности о встрече.

– Я поеду с тобой. – Заявил он.

– Защищать меня от мамы? – Меня разобрал смех. – Даже не думай. Когда взрослые тети разговаривают, хорошие мальчики не мешают. – Я погладила его по плечу.

– Не хочу, чтобы этот разговор что-то изменил. – Сказал он.

– У меня он ничего не изменит. Возможно, у тебя?

– Никогда. – Он взял мою руку и поцеловал ладонь.

Во вторник мы встретились с Ириной Адреевной.

Она была старше меня на пару или тройку лет. Импозантная, ухоженная блондинка, очень ровная и сдержанная. От

ее облика, манер и даже взгляда веяло холодом операционной. Кстати, по профессии она оказалась врачом.

Мы безошибочно узнали друг друга в кофейне по первому взгляду, я – от входной двери, она – от столика. Это секундное сканирование друг друга на расстоянии, помогло нам понять общую диспозицию, и упростило начало общения.

Нам было не комфортно только первые 10 минут, пока мы делали заказ, обмениваясь своими полными именами, видами профессиональной деятельности и светскими фразами об интерьере кофейни. Потом, я спросила ее без всяких преамбул:

– Ирина Андреевна, Вы хотели посмотреть, с кем спит Кирилл?

Она нисколько не смутилась и сразу ответила:

– Мне нравится Ваша откровенность. Давайте по именам, так проще.

Я кивнула.

– Да. Я хотела Вас увидеть, чтобы понять Рюсика.

Боже! Рюсик! Впервые слышу такое производное от Кирилла.

– Понять, чего ему в жизни не хватает и нет ли опасности для семьи?

– Вы правы. Папе Рюси я ничего не сказала об этой встрече. Он бы не позволил, он очень самонадеян. Я хотела сама разобраться.

– Что ж, смотрите и спрашивайте. – Я отпила кофе и при-

готовилась отвечать на вопросы.

Но мне не пришлось. Ирина сама начала говорить про Кирилла, мужа, свекровь, которая полностью избаловала мальчика своими деньгами и покровительством.

– А ему мало денег и покровительства от отца?

Так, там еще и бабуля есть!

– Бабушку не переубедить. – Ирина вздернула левую бровь и, улыбнувшись, продолжила рассказ о том, что они люди небедные (так называют себя долларовые миллионеры) и не хотят ненужных связей для своей семьи.

– Я не собираюсь в вашу семью. – Сказала я. – Неразберихи мне в своей хватает. Да, и побывала я дважды замужем, поверьте, обратно совсем не хочется. В статусе «свободна» мне легче и понятнее жить. А Кирилл мне просто нравится. Чистый, и пока что неиспорченный, хотя, уже вполне мог бы превратиться в мажорного упыря. Если Вы хотите спросить, надолго ли это у нас? Я не знаю. Пока не надоест. Мне от него – кроме него самого – ничего не надо.

– Я это вижу. И я успокоилась отчасти... Но, знаете, он к Вам привязан очень, даже влюблен, наверно. – Сказала, в раздумье Ирина. – Если Вы раньше наиграетесь, он будет страдать.

– Наиграюсь я, как Вы выразились, раньше – статистика моей жизни говорит об этом. Что ж... Сердечные переживания и раны мужчинам тоже полезны.

– Он еще мальчик. – Ирина сложила ладони, как будто

собралась помолиться.

– Он мужчина. Я проверяла. Простите.

Разговор затянулся на три моих американо и четыре ее эспрессо. В переводе на время – примерно, полтора часа.

Монолог Ирины сменился диалогом. Мы говорили о жизни, о мужчинах, о браке, о сексе о том, чего же хотят женщины – о самых простых и самых глубоких вещах, хотя видели друг друга впервые, изначально находясь, как будто, в жесткой оппозиции разных сторон игрового поля. Но я этого не чувствовала, она тоже – мы просто болтали. В конце нашего продолжительного разговора мы вернулись к Кириллу.

– Вы – женщина прямая и даже жесткая, это сразу видно. – Начала Ирина. – Поэтому, прошу Вас, расстаньтесь с моим мальчиком поаккуратнее. Даже не верю, что говорю Вам об этом, ведь шла я сюда совсем с другими намерениями – отшить Вас...

– Я понимаю.

– Быть деликатной, Вам и сейчас-то ни к чему, а когда он вам наскучит, деликатничать совсем не будет смысла, но я прошу Вас.

У меня это вызвало улыбку. Но я пообещала Ирине не живодерить, когда придет время расставания с Рюсиком.

Через 5 месяцев слово я сдержала.

Уходи

Уходи, я тебя прошу.

Если можешь, то прямо завтра.
Я не выпью так много крафта,
Чтоб раздать себя по грошу.

И без жертвы на алтаре
Эти дни наполнялись солнцем,
По воде разбегались кольца,
Листья падали в сентябре.

Я любила тебя тогда.
Как история показала:
Уезжают всегда с вокзала,
Возвращаются – не туда.

Вот и я не вернулась вдруг.
Почему? Разве кто-то знает?
На подножке в пустом трамвае
Захотелось на новый круг.

Я не стану тебе чужой,
Но забуду тебя сегодня.
Это все – благодать Господня,
Видно, грех на мне небольшой.

Парфюм

Так странно носить на себе чужой парфюм. Когда на тво-

ем теле или постельном белье остается запах любимого человека – это всегда приятно. Как будто он все еще немного здесь. Но я имею ввиду чужой аромат. Посторонний, никак не связанный со мной эмоционально.

Я сама постоянно нахожусь в облаке собственных духов, поэтому редко слышу чужие запахи. Даже, отработав целый день, намотавшись по десяткам разных адресов и кофеен, вечером, садясь к себе в машину, я слышу от себя «свой» запах. Возможно, это связано с качеством парфюмерии или с тем, что запахи я покупаю всегда шлейфовые и шипровые.

Вчера приехала подруга из Франции. Не виделись несколько лет. Поехали в ресторан, просидели 4 часа – как нечего делать. Привезла ее к дому родителей (они все так же, живут в моем городе). Вышли из машины, прощаемся. Она:

– Я так рада была тебя видеть!

– Я тоже. Хорошо, что среди семейной суеты ты нашла время увидеться.

– Дай, хоть я тебя обниму. – Подруга обхватила меня руками и прижала к себе.

Я тоже обняла ее, и мы чмокнули друг друга, по обычаю, в щеку.

Тут же я ощутила ее парфюм – знакомый с давних времен. Ничего не изменилось, подруга верна себе в этом вопросе, как ни в каком другом.

Thierry Mugler Angel. Помню, давным-давно, еще на заре нашей дружбы, когда я впервые пришла в гости и попала в ее

комнату, меня сразу окружил этот парфюм. Я еще не знала, что это, но на туалетном столике стояла единственная стеклянная звезда с духами. Догадаться было не трудно.

Прошло без малого «триста» лет, а пахнет подруга ровно так же.

Мы попрощались окончательно, пообещав поужинать вместе еще раз пока она здесь, а уж следующую весну встретиться втроем в Париже, прихватив в компанию еще одну «эмигрантскую» подругу из Германии.

Я села в машину и вдруг поняла, что «взяла» на себя парфюм подруги. Не мудрено – французский розлив. Пока я ехала до дома, кондиционер гонял по салону прохладный запах мандарина, пиона, яблока и еще чего-то древесного.

Оказавшись дома, я приняла душ, залезла в любимую футболку, сварила кофе и села на подоконник, подогнув под себя ноги – смотреть, как засыпает город. Живу я довольно высоко, и мне нравится усаживаться в этот своеобразный «кинотеатр». Смотреть, как мигают светофоры, мчатся по каким-то своим делам машины... Я всегда так делаю, когда хочу послушать себя, о чем-то поразмышлять или принять поворотное решение.

Прошло минут 15 прежде, чем я поняла, что отзвуки Thierry Mugler Angel все еще здесь.

Запахи способны управлять эмоциями и воспоминаниями, часто заставляя нас взламывать заблокированные файлы памяти.

Мне вспомнился вечер, когда мы втроем, тогда еще с не думавшими никуда уезжать девочками, сидели в комнате моей будущей «французской» подруги и пили красное вино или что-то очень на него похожее, лет 20 назад. Какие мы тогда были беззаботные и счастливые! Господи, как мы ржали... Слово «смеялись» не подойдет. Это было не хихиканье из вежливости или потому что в «это месте» всем смешно. Это было ржание на всю квартиру и во все горло.

Был декабрь, до нового года оставалась пара недель, и мы решаем провести вечер вместе до того, как грянут праздники и разного рода «отсидки» на мероприятиях – от родительских до рабочих.

За окном валит снег, шторы отдернуты, в комнате довольно свежо, а голубые обои на стенах и витающий в воздухе запах духов еще добавляют холода в атмосферу. Мы сидим в свитерах и джинсах на заправленных кроватях (действие творится в спальне подруги и ее, по счастью, отсутствующей сестры). На стуле, в проходе – бутылка вина и разломленная шоколадка. Нам хорошо. Наш уровень «счастливости» просто зашкаливает.

Откуда он? Не знаю. От нас самих. Той пошлости, которую мы перебираем и на рыло по две бутылки вина. От возраста и от того, что домой переться пешком по сугробам, падая через шаг. От того, что не видно никакого конца фантазиям, желаниям, намерениям... От того, что все бесконечно. Мы даже не думаем об этом. Мы просто в этом уверены.

Через 5 лет нас на тысячи километров растащила жизнь. Обе они уехали за своими мужьями за границу, а я осталась в своем городе, продолжая упражнения в любви – как привыкла.

Видимся мы редко, точнее, невозможно редко.

Каждый раз теперь, встречаясь, мы почему-то тратим часть нашего – и так быстро «стекающего» времени – на светские разговоры и обмены любезностями. Только после двух часов бессмысленного трепа, мы начинаем общаться, как раньше.

Почему? Жизнь? Появившаяся привычка принимать позы? Нежелание показать, как соскучились и хотим, по обыкновению, перетираться «сиськи и письки», только уже под бокал дорого конька? Думаю, всего понемногу.

Главное, что мы сохранили наш дух дружбы. Пусть нам и требуется на разгон пара часов, зато потом никто не чувствует, что с того декабрьского вечера прошло больше 20-и лет.

В моей вселенной

Ты обитаешь в моей вселенной,

А я, наверно, в твоей живу.

Мы приближаемся постепенно,

И выясняем, по существу.

Уже не хочется быть «на страже»,

И я теперь рассказать могу,

Как на белилах рисуют сажей
И чинят весла на берегу.

Как остаются следы на коже
От поцелуев и от кнута?
О том, что с тобой не похожи,
Как крик истошный и немота.

Чем пахнет август в моей квартире?
О чем, то – порванное письмо?
И лапы красные, растопырив,
Кивает клен у каких холмов?

Куда истории сновидений,
И звуки джазовой хрипоты
Приводят рядности совпадений? –
Туда, где я и туда, где ты.

Библиотека

Когда я была совсем маленькой, бабушка работала в библиотеке. Оставлять меня дома по понятным причинам не было никакой возможности, поэтому бабушка забирала меня с собой. Вытерпеть целый день, сидя на стуле – задание для трехлетнего ребенка невозможное. Поэтому, бабушка, как могла развлекала меня среди книжных стеллажей, архивных ящиков с формулярами, коридорного полумрака, запах книг

и тишины.

Мне нравилась библиотека. Там было страшно. И хорошо.

Мне даже сейчас не смочь объяснить – чем хорошо? Возможностью играть в непривычном месте? Ощущением какой-то «интимной» защищенности? Пожалуй. Тогда я понятия не имела о таком словосочетании. Но сейчас я думаю, что именно это чувство – абсолютной безоблачной и безусловной защищенности от всего на свете – так сильно нравилось мне.

А почему страшно? О, тут все просто. Бабушка говорила, что там – в самом мрачном углу библиотеки, в конце заплесневелого темного коридора у обтянутой черным дерматином двери (за которой, как я сейчас полагаю, размещались фонды) живет колдунья. Старая, страшная, сгорбленная. С одним глазом, который светит в темноте мутным зеленым светом. Она ходит в черном длинном платье, черном платке, натянутом так, что не видно лица. С крючковой палкой вместо посоха и большим старым вонючим мешком в сморщенных руках. И если я буду шалить или бегать к той двери, она обязательно поймает меня, посадит в мешок и унесет с собой.

У бабушки была отличная фантазия! И у меня тоже, потому что я боялась этой колдуньи до одури.

– А куда унесет? – Спрашивала я.

– Не знаю. Никто не знает, где она живет и что она со своей добычей делает. – Отвечала бабушка.

– Добычей?

– Ну, тот, кого она добыла – достала, похитила, он – ее добыча.

День в библиотеке начинался суматошно. Много посетителей именно с утра. Возня, сдача и поиск книг, разговоры, заполнение карточек, телефонные звонки. Бабушка была занята по горло. И я тоже – бегала между стеллажами, кидалась под ноги посетителям, вскарабкивалась на стул, лопотала какую-то ерунду, открывала обложки книг, чтоб бабушка быстрее доставала карточки и что-то писала на них.

К обеду становилось спокойнее. Когда мы оставались совсем одни, то играли в прятки. Мне было гораздо проще из-за моего маленького размера, но трудно в плане стратегических решений. Бабушке – наоборот. Было весело. Когда бабушка понимала, что я ее сейчас обнаружу, она резко выскакивала из своего укрытия и говорила:

– Кто меня нашел? – Хлопала в ладоши и немного приседала, чтоб меня обнять.

Не тут-то было! Я, визжа и хохоча от восторга, неслась от нее вдоль стеллажей. Она догоняла меня, брала на руки, прижимала к себе, и целуя в висок или щеку, всегда говорила:

– Ты моя звездочка.

Потом игра начиналась сначала. Бабушка ставила меня на пол и закрыв глаза, считала до пяти – но я этого не знала, только как можно быстрее пряталась или под большим письменным столом, или между стульями с высокими спинками,

или за узкими торцами стеллажей – главное до слов «иду искать». И затаив дыхание, ждала, когда же бабушка меня найдет? Искала она меня долго. Это сейчас ясно – что специально, а тогда – из-за того, что бабушка не может меня найти и очень сокрушается по этому поводу – счастью моему не было конца.

После игр, бабушка всегда разговаривала со мной о каких-то вещах, терпеливо отвечая на мои вопросы. Например, почему ночью темно? Или, где хранится дождь на небе? Почему люди умирают, а когда их закапывают, им не холодно под землей?

Потом она кормила меня разогретым обедом и укладывала спать.

За стеллажами была оборудована небольшая коморка с чайником, маленькой плиткой, нехитрой посудой и старинной мягкой мебелью, где можно было спокойно поесть или просто передохнуть от посетителей.

Бабушка зашторивала тяжелые бархатные шторы и соединяла два массивных кожаных кресла сиденьями внутрь. Стелила старое байковое одеяло, устраивала красную плюшевую подушечку и укладывала меня, накрывая потертым «коралловым» пледом.

Библиотека располагалась в старинном особняке со сводчатыми потолками, маленькими окнами, похожими на бойницы и толстенными стенами. Там всегда было очень прохладно, а зимой – просто холодно, поэтому ни кофточка, ни

плед, ни даже валенки – не бывали тут лишними.

Бабушка садилась на стул рядом с моей импровизированной кроватью, брала в руки книжку и говорила:

– Поворачивайся на бочок и закрывай глазки.

– А ведьма сюда не придет? – Спрашивала я, поворачиваясь к окну и засовывая сложенные ладошки под щеку.

– Не придет. – Успокаивала бабушка. – Спи спокойно.

Она начинала читать негромко и монотонно о заморских чудовищах, принцессах и удивительных превращениях, а я слушала ее, разглядывая заклепки в каретной обивке кресел. А еще, в узкую щель между незакрытыми шторами – фиолетовые куски витражного стекла. Мне казалось, что я вижу в его скошенных бликах и медных швах все волшебство, о котором читает бабушка. Через несколько минут я засыпала от ее тихого голоса, запаха духов, полумрака, отблесков витража и от того, что ведьма со своим мешком не придет сюда...

Может поэтому фиолетовый цвет остался для меня особенным на всю жизнь?

Жизнь «на потом»

С возрастом и пониманием (настоящим и зрелым) – куда катиться твоя жизнь, насколько она беспощадна и коротка – хочется жить сейчас. Не теоретически поддакивая, а на самом деле. Сейчас. Прямо, сию минуту. Не раздумывая, «перешагивать» то, что, в силу опыта, ты сразу оцениваешь, как скучное, тупое, бездарное, ложное, уродливое и просто

неподходящее.

Идти, уже не оглядываясь на отстающих и не догоняя тех, кто впереди. Мой темп такой! Хотите идти рядом? Прекрасно. Нет? Тоже, прекрасно.

Не хочется больше ничего откладывать. До лучших времен, до субботней встречи, до хорошего настроения, следующего раза, до понедельника или полнолуния. Не хочется, потому что некуда. Когда тебе хорошо за 45, нет у тебя такой роскоши – откладывать. На самом деле, ее ни у кого нет, но в 25 о таких вещах никто не думает.

Время движется слишком быстро и, если ты не скажешь\не поцелуешь\не позвонишь\не сделаешь сейчас, завтра это может просто не понадобиться. Или ты сама утратишь у этому интерес, или так сложатся очередные обстоятельства. В общем, это не произойдет по любой – самой ничтожной причине, а может быть и совсем без нее.

Если понаблюдать за жизнью – хотя бы немного, можно с легкостью убедиться в том, что все «отложенное» – не случается никогда. Точнее, оно никогда не случается в том виде, в каком должно было бы случиться именно в тот момент, когда ему надо было произойти.

Можно, конечно, говорить о том, что завтра – совсем не хуже, чем сегодня. Хуже! Потому что «завтра» – это будущее, которое определяется сегодня. Прямо, в это самое мгновение. Но то, что должно быть сейчас, мы с легкостью откладываем. Значит, будущее – будет искаженным, несво-

бодным, нагруженным этими незакрытыми «гешальтами» несостоявшихся разговоров, поездок, встреч, секса, обещаний и дел.

Какой была бы наша жизнь, если бы понимание бесценности и необратимости текущего момента пришло бы в голову лет на 15 раньше?..

Как верится

Как верится рассветным снам,
Уже исписанным страницам,
Холодной боли, черным птицам,
И незабытым именам.

Бездонной влажности небес,
Губам твоим, что дышат рядом,
Случайным незаметным взглядам,
Что вызывают интерес.

Историям каким-то вслух,
Простым цветам, бездомной кошке,
Конфете в маленькой ладошке
Девчонки рыжей на углу.

Тому, кто заполняет сам
Пробелы «между» – запятыми,
Кто не стреляет холостыми,

Не колесит по адресам.

Как верится сегодня мне
Среди зимы – воде с лавандой,
Всему, что было контрабандой,
И приводило к седине...

В поезде

Мне было лет 20. Я ехала на активировку щенков ньюфаундленда в другой город. Не слишком удаленный, потому что путь на поезде занимал 5 часов. Ехать предстояло в воинскую часть, где и проживала мама-ньюфаундлендлиха со своим выводком из 12 щенков.

Владелец собачьего семейства – молодой лейтенант, с которым мы созвонились и договорились, что я приеду в ближайшую субботу, чтобы осчастливить его выдачей документов и метрик на щенков, должен был встречать меня по прибытию на вокзале.

Купив билет в плацкартный вагон, и не сильно заморачивалась верхней полкой с соседями по отсеку, смахивающими на «одичалых», я улезла наверх, и устроившись на боку, с пакетиком фундука и книгой, наскоро купленной в вокзальном киоске, прекрасно докачалась до пункта назначения.

Поезд прибыл без опоздания, и я, из-за отсутствия багажа – кроме небольшой сумки, быстро вышла из вагона. Через минуту ко мне подошел высокий худой молодой человек

в военной форме с двумя маленькими звездочками на погонах. Он – подумала я.

– Алексей. – Представился он. – А вы – Наталья?

Я молча кивнула.

– Пойдемте, у меня машина вон там стоит – Алексей махнул рукой куда-то в сторону здания вокзала.

– У меня билет на обратный путь не куплен. – Сказала я.

– И не надо. Я вас так отправлю, без билета. – Алексей немного замедлил шаг, видя, что я за ним не успеваю.

Я не стала спрашивать, каким волшебным образом меня засунут в вагон по дороге домой, но мой спутник, видимо, прочитав мои мысли добавил:

– У нас есть свои военные линии – льготы, если на гражданском языке говорить. Вот я такой линией и воспользуюсь.

Мы добрались до машины. Это был открытый военный уазик. Если говорить на гражданском языке – козел «кабриолет». Для летней поездки – то, что надо, тем более, на таком транспорте я еще не каталась.

Быстро перескочив через борт, я села на пассажирское сиденье. Мы рванули с места и были перед воротами воинской части через 10 минут. Промчавшись мимо казенных построек, стриженных газонов, побеленных деревьев, плаца и флагштоков, мы, наконец, оказались в квартире.

Нас встретила улыбающаяся жена лейтенанта Аня и огромная черная сука ньюфаундленда с очень уставшими глазами. Надо думать – кормить и воспитывать 12 «детей»

сразу.

Процедура по распознаванию в черных меховых комках, щенков породы ньюфаундленд, их взвешиванию и присвоению имен, вскорости завершилась. Алексей, пока я была занята, звонил куда-то, договариваясь о моем безбилетном возвращении. Потом он, рассчитавшись со мной за каждый щенячий документ и за выезд на дом, сказал:

– До поезда еще полтора часа. Давайте пока пообедаем, а потом я вас отвезу к месту посадки.

Мы пообедали вчетвером: я, Алексей, Аня и Бэлла – так звали собаку, которая положив свою слюнявую морду на стол, и не думала никуда уходить, потому что постоянно получала от Ани какой-то кусок из тарелки.

После еды, мы пили кофе и болтали о собаках. Алексей и Аня наперебой рассказывали мне разные истории про маленькую и взрослую Бэлла, а потом про ее щенков. Не смотря на довольно короткую их жизнь – 40 дней, биография по порче вещей, у них была уже обширная.

Немного погодя, Алексей заявил:

– Наталья, нам надо ехать.

– Не рано? – Спросила я. – До поезда почти час, а мы с Вами долетели за 10 мин.

– Нам не на вокзал. – Ответил Алексей. – Поедем дальше. Я же Вас по военной линии буду отправлять.

– На ходу в проезжающий вагон закинете?

Аня засмеяла и сказала:

– Нет, конечно. Он Вас на перегоне посадит.

Слово «перегон» мало что объяснило, но мне почему-то стало лень спрашивать. Пусть будет перегон.

Я собралась и, попрощавшись с Анной, вышла из квартиры. Мы с Алексеем сели в машину одновременно и, промчавшись по территории воинской части, выехали за ворота, повернув в другую сторону – не на вокзал.

Немного попетляв по узким улицам, мы выбрались за город, асфальт сменила накатанная грунтовая дорога. Мы ехали по каким-то прилегающим деревням, садовым обществам, по лесу, мимо большого озера и наконец, выбрались в поле. Всю дорогу Алексей мне рассказывал про службу. Про то, чего хочет достичь, про солдат, неписанные законы армии, сложности и радости военного быта. Мне было не интересно, но я понимала – он хочет быть вежливым и развлекает свою вынужденную гостью.

По полю, точнее – по двум накатанным колеям, извивающимся среди высоких колосьев и синеющих васильков – мы ехали так долго, что мне в какой-то момент показалось – так я буду ехать до утра. Наконец, мы остановились у характерной длинной насыпи.

– Приехали. – Алексей посмотрел на часы. – Поезд через 10 минут.

Я вылезла из машины, и подцепив с заднего сиденья сумку, повесила ее на плечо.

– Поезд здесь пойдет очень медленно, шагом идти быст-

рее – вот увидите. – Сказал Алексей, доставая сигарету и прикуривая. – В этот момент вы и сядете в 11 вагон. Точнее, я вас посажу. Проводник обо всем знает, так что все в порядке.

Я улыбнулась, вспомнив, как сказала дома у Алексея про «закинуть в вагон на ходу».

Поезд не заставил себя ждать. Я не видела его, но услышала довольно отчетливо – сначала он жалобно прогудел где-то вдалеке, а потом я услышала характерный свистящий лязг колес.

– Нам пора. – Алексей бросил окурочок.

Обежав машину, он подхватил меня под руку и потащил к насыпи. Поезд приближался медленно, и чем ближе он становился, тем медленнее он ехал.

Поравнявшись с нами, поезд поехал еще медленнее. Было ощущение, что он хочет остановиться. Но он, действительно, всего лишь, замедлился до самого тихого хода. И на самом деле, если бы я пошла рядом – то двигалась бы быстрее.

– Восемь...девять... – Отсчитывал Алексей. – Вот тот ваш. – Он махнул в сторону рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.